

ТАНЯ ТРОТТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ТАНЯ ГРОТТЕР
И ПЕНСНЕ НОЯ

Москва
2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гюнтер*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 **Таня Гроттер и пенсне Ноя / Дмитрий Емец.** — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-170864-1

Гурий Пуппер вызывает Ваньку Валялкина на магическую дуэль! Высоко над океаном Ванька сжигает искрой метлу Пуппера, и тот падает вниз. Все считают Ваньку убийцей и хотят посадить его в магическую тюрьму Дубодам. Чтобы избежать наказания, Ванька отправляется в мир лопухоидов к Нинель и Герману Дурневым и скрывается у них в доме. В конце концов Ваньку обманом заставляют прилететь в Дубодам и сдатьсь. Его бросают в темницу. Чума-дель-Торт в чужом теле предлагает Тане Гроттер сделку — Чума поможет ей пройти в Дубодам и спасти Ваньку, а Таня взамен отдаст ей своё тело...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170864-1 © Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Всё это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно — чорта. Но вы не упускайте из виду, что он целкопёр и весь состоит из надуванья... Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он — точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечёт, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдёт храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмёт. Мы сами делаем из него великана... Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньёй не дал власти.

Н. В. Гоголь

*Жизнь счастливого человека —
это полоса сверхзадач.*

Глава 1

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЛОПУХОИДОМ

Дождь барабанил в стекло. Шторы из предосторожности были плотно задернуты. Мама спала у себя в комнате, через стенку, но даже во сне ухитрялась замечать свет в соседнем окне, тускло разливавшийся по стене дома. Генка Бульонов, терпеливо дождавшийся, пока она заснёт, метался теперь по тесной комнатке. В могучей груди почти двухметрового пятнадцатилетнего лоботряса кипящей ртутью бурлило негодование. На соседней улице Ленка Мумрикова отмечала день рождения. Мумрикова, выбившаяся из шестёрок в тузы после необъяснимого исчезновения Пипы Дурневой, не мелочилась. Родители были сосланы на дачу без

права возвращения. Весь класс — а Ленка пригласила всех, не больше и не меньше — собирался гудеть всю ночь.

Весь класс, за вычетом Генки. Мама считала, что ему полезно ложиться спать в десять часов. «Ты у меня такой слабенький!» — повторяла она, хотя в последний раз Бульон болел гриппом в третьем классе, про остальные же болячки знал только из энциклопедического словаря.

И вот теперь было уже два часа ночи. Мама давно спала, а Генка, раздражённый, как болотный хмырь, бегал по комнате и страдал. Ослушаться маму — об этом он даже помыслить не мог. При малейшей попытке неповиновения она вначале говорила колючим голосом, затем глотала сердечные лекарства и наконец принималась плакать — Генка же ощущал, что его потрошат заживо.

Мама у Бульона была особа экстраординарная. Её вполне можно было занести в реестр уникальных, астрально опекаемых лопухоидов, тщательно пополняемый белым магом Агриппой IV с 1094 года. Генка поднимал доньшком кверху гирию в двадцать четыре килограмма — а она мазала зелёнкой каждый его прыщик, превращая его в нечто среднее между жабой и ягуаром. Бульон забрасывал в корзину мяч через всю баскетбольную площадку — а она водила его в школу за ручку и требовала носить шапку с помпоном до середины мая.

Вспомнив об этом, Генка взвыл и в животной тоске толкнул стол. На пол обрушилась стопка книг по оккультизму. Запестрели руны, коварно замигали алкогольными градусами астрологические таблицы. Бульонов наклонился. Верхняя книга была открыта где-то

на середине. Расправляя загнувшуюся страницу, Генка выхватил из текста следующую фразу: «*В самое ближайшее время вас ждут крупные неприятности*».

Генке это не понравилось. В третьем часу ночи он всегда становился излишне впечатлительным. Страшнее скоростижной смерти для него были лишь тепленькие стельки и жилетка с красными лошадами, которую мама подарила ему на день рождения. Он закрыл глаза, забродил пальцем по странице и, ткнув наобум в одну из строк, вновь прочитал: «*...коренной перелом в судьбе и дальняя дорога...*»

Суеверный Генка задышал носом. А тут ещё, словно насмехаясь, кто-то энергично забарабанил в окно восьмого этажа. Форточка распахнулась. Тюлевые шторы вздулись и опали. Генка явственно увидел длинную белую руку, которая, просунувшись в форточку, потянула задвижку рамы. Бульон от ужаса заорал и закрыл глаза.

— Ты чего, с дуба рухнул? Своих не узнаёшь? — прошипел кто-то.

Генка перестал орать и открыл один глаз. На подоконнике, положив подбородок на руки, сидела Гробыня и с интересом изучала его. На коленях у Склеповой лежала труба пылесоса. Сам пылесос стоял рядом.

«Вот это девчонка! Карабкаться на восьмой этаж, да ещё с пылесосом!» — ошарашенно, но одновременно с восторгом подумал Генка.

— Бульон, а Бульон! Лапочка, дай попить, а то так есть хочется, что переночевать негде! — насмешливо попросила Гробыня.

Генка заметался. Чтобы попасть ночью на кухню, нужно пройти мимо комнаты чутко спящей мамы, что было опаснее фронтовой разведки. Застигнутый вра-

гом разведчик хотя бы успевал застрелиться. К счастью, Склепова шутила: пить ей не хотелось.

— Чего молчишь, как карась? А «здрасьте» кто будет говорить? Девушка может обидеться! — пригрозила Гробыня.

— Здрасьте! — послушно повторил Бульонов.

— Ну спасибочки, облагодетельствовал молодую и красивую! А теперь сразу говори «до свиданья»! Или на худой конец «чао-какао». Ну-с, я жду! — распорядилась Склепова.

Генка растерялся. Он никак этого не ожидал.

— Попрощаться? Так сразу? А как же...

— А ты на что надеялся, котик? На романтическое трио: ты, я и луна? — проворковала Гробыня. — Я за этим и залетела — чтобы попрощаться. Я возвращаюсь в Тибет... Впрочем, тебе не обязательно знать куда... Если у тебя есть какие-то другие прощальные слова, я внимательно слушаю!.. Нет слов? Хм... Ну тогда будем работать по сокращённой программе. Так и быть, можешь меня поцеловать!

— Поцеловать? — изумлённо переспросил Бульонов. До сих пор он целовал только маму и иногда бабушку. Это было тоже полезно в своём роде, хотя они и не летали на пылесосе.

— О нет! Он и этого не умеет! — простонала Склепова. — Ну да, поцеловать! У тебя бумага есть?

— За-зачем бу-бумага? — не понял Генка.

— Как зачем? Я тебе схемку нарисую!

— Не надо! — отважно отказался Бульонов.

Он неуклюже приблизился, помялся и, набравшись храбрости, клюнул Гробыню в щёку. При этом обнаружилось, что он выше её на две головы.

— И это всё южные страсти? Эх ты, вечная мерзлота! Девушка с тобой плесенью покроется! Робкий ты, Бульон, какой-то! — разочарованно хмыкнула Склепова.

— А ты не робкая? — обиделся Генка.

Гробыня вздохнула:

— Ах, Бульон, я прошла суровую жизненную школу! У меня была не жизнь, а сплошная азбука выживания! Одна Гроттерша извела тонны моего драгоценного здоровья.

— Гроттерша? — удивлённо переспросил Генка. Хотя прошло много лет и его память была магически блокирована, слово «Гроттерша» странным образом взволновало его, пробудив целую бурю неясных чувств.

Однако Гробыня не была расположена перемывать Таньке кости. Предстоящий перелёт в Тибидохс настраивал её на сентиментальный лад.

— И не только Гроттерша... В сущности, Гроттершу очень даже можно выносить, если не трогать её контрабас и не катить бочку на её родственничков! — продолжала она, нежно обнимая трубу пылесоса. — Моя школа началась с моего братца. Я тогда ещё жила среди лопухойдов, а у меня был колоритный двоюродный братец. Подращённая такая сволочь, на три года старше... Наши родители в то время жили вместе, и их вечно не было дома. Они то заказывали венки, то устраивали могильщикам профилактический разбор полётов, чтобы они не охамели.

— Охамели?

— Ну, большая такая ритуальная халява, — нетерпеливо и ещё непонятнее пояснила Гробыня. — Меня

оставляли вместе с братцем, и он отрывался на полную катушку. В лучшем случае он меня щипал, в худшем пинал. У меня, извини, вся попа была в синяках. Помню, я два часа просидела запертая в туалете, потому что к нему пришли приятели: они играли в карты и я им, видите ли, мешала. Вначале я рыдала, потом колотила в дверь, а они только ржали... А затем я услышала, как они открыли шкаф и выбрасывают оттуда мои вещи, а потом стали ломать отвёрткой замки, чтобы залезть в мой стол. Это был уже финиш... Я совсем озверела. Почти не помню, что дальше было. Я заорала, и вдруг дверь вылетела сама собой, хотя я к ней и не прикасалась. Даже не с треском вылетела, а почти без шума — пук! — будто пробка. Потом родители удивлялись — петли точно ножом срезало. Я ворвалась в комнату. Их там было четверо. Они уже бросили играть в карты и были все у моего стола. «Это ты, Гробыня? А ну, пёсик, на место! Марш в туалет!» — сказал мне братец. И тут...

Склепова сжала и разжала ладони. Щёки у неё пылали от негодования. Она заново переживала тот миг.

— Не важно, что было дальше... Ты, Бульон, личность ранимая, не буду тебя грузить. Скажу лишь, что к тому моменту, как меня забрали на чёрное отделение, брат и его приятели не просто меня уважали. Они меня чудовищно уважали! Чуть ли не тапочки носили в зубах, не говоря уж о прочем!..

Неожиданно в рюкзаке у Склеповой заверещал зудильник.

— А это ещё что? Кто меня дёргает? — буркнула Гробыня.

Пока она открывала рюкзак и рылась в нём, зудильник едва не лопнул от негодования. Бульонов с изум-

лением смотрел на плоское блюдо, производившее назойливые звуки. Гробыня на секунду задумалась, соображая, не совершает ли она что-то непоправимое, отвечая по зудильнику при лопухоиде. Но врождённое разгильдяйство победило. Склепова махнула рукой, словно говоря: ладно, чего уж там! Какие тут тайны!

— Гробыня? Ты куда подевалась? — появляясь на блюде, с возмущением произнёс Готфрид Бульонский.

— Да здесь я, здесь! Чего трезвонить-то? — недовольно сказала Склепова. К Спящему Красавцу она всегда относилась малость прохладно.

— Как ты со мной разговариваешь?! Я звоню по просьбе академика Сарданапала... К тебе вернулась магия?

— Да вроде, — проворчала Гробыня, опасливо косясь на Генку.

— Академик тебя ждёт! Ты летишь в Тибидохс или нет?

— Уже лечу! Разве не видно? — сказала Склепова.

— Летишь? Ты уверена? А почему я вижу занавески? — подозрительно спросил Готфрид.

— Занавески? Какие занавески? Это тучки так глючат! — пояснила Гробыня и, сохраняя на лице невинное выражение, принялась энергично трясти зудильник.

— Что случилось? Почему ты рябишь? — забеспокоился Готфрид.

— Алло, гараж! Помехи связи!.. Я скоро буду! — заявила Гробыня и, поспешно отключившись, нахмурилась. — Вот дурак этот Готфрид! Прямо капитальный! — задумчиво сообщила она Генке. — Попробуй я выкинуть такую штуку с его женой, мне все каникулы пришлось бы изучать жизнь крыс.

— Это как? — не понял Бульон.

— А так. Изнутри шкурки. Или ещё хуже: все пальцы на руках превратились бы в дождевых червей... Вообрази, мерзко, да? Одна радость: отшибает аппетит не тебе одной.

Генка Бульонов изумлённо заморгал. Он во все глаза смотрел на говорящее блюдо.

— Это чего такое было, а? — взволнованно поинтересовался он.

— Да так, мелочь! Психованная миска... Не обращай на неё внимания. Кстати, только что в голову пришло. Ты этому не родственник?

— Кому?

— Да Готфриду же! Поднапряги чуток извилины. Бульонов — Бульонский, Генка — Готфрид. Похоже, да? Если разобраться, мир полон копий одного и того же. Порой мне кажется, что на свете живёт от силы человек двадцать, но все они для забавы укрываются в разных телах. Я до этого додумалась, когда мне стали попадаться совершенно одинаковые парни. А потом я поняла, что не только парни. Пряма замкнутый круг какой-то. Куда ни пойдёшь — встречаешь одних и тех же. Иногда мне кажется, что людей в мире не больше, чем карт в колоде.

— Нет, Бульонский мне не родственник! — сказал Генка, которому это сравнение не очень-то понравилось.

Гробыня покачала головой:

— Напрасно. Готфрид вроде аристократ какой-то. Кладов небось в своё время напрятал — обалдеть. Можно было бы грузануть его: типа, я твой любимый праправнук, припёрся стрельнуть чуток деньжат. Грузовик с прицепом...

Мадемуазель Склепова замолчала и зевнула, добавив в зевок немного загадочности. Похоже, мыслями она была уже в Тибидохсе.

— Ну всё, Бульон, хорошенького понемножку! Пообщался с девушкой — и цигель-цигель ай-лю-лю! — распорядилась она, спрыгивая с подоконника. — Ещё целовать будешь? Ты куда целуешь, киса? В лоб целуют покойников, а я ещё тёплая. Ладно, фиг с тобой, золотая рыбка, плавай дальше! А теперь отвернись!.. Девочке надо кое-что сделать!

Покраснев как рак, Генка послушно отвернулся. Когда же несколько секунд спустя он вновь перевёл взгляд на окно, подоконник был уже пуст. Подскочив к окну, поражённый Бульонов успел увидеть, как, выбрасывая из трубы подсвеченную реактивную струю, пылесос быстро уносится к дальним домам. Гробыня, повернувшись, помахала ему рукой.

— Пока, малыш! Слушайся маму! — донеслось до него.

Генка долго и тупо стоял у окна, машинально дёргая рукой занавеску. Он был даже не удивлён. Он был раздавлен. Потом отвернулся и сел на пол.

— Сарданапал беспокоится: вернулась ли к тебе магия?.. — повторил он за Готфридом. — Магия... Тибидохс... Магия... Когда же, где же это было?

Генка стиснул виски руками. Голова у него раскальвалась. Ночной визит «мадемуазель Склепофф» и связанные с ним чудеса переполошили его. Старая блокировка, поставленная Медузией, не выдерживала натиска новых впечатлений и трещала по швам. Стирая у Бульонова память после той истории с фигуркой, доцент Горгонова никак не предполагала, что ему вновь придётся столкнуться с чем-то выходящим за

грань обычного, иначе выбрала бы другое, более глобальное заклинание.

— Летающий пылесос... Нет, тогда был не пылесос. Скрипка? Гитара? Нет, больше! Кон... контрабас... Она же называла его только что: КОНТРАБАС! Я вспомнил... Тибидохс!.. Я тоже мог там учиться, но меня не взяли! Проклятая фигурка! — крикнул он.

В коридоре зашаркали тапки. Поняв, что разбудил маму, Генка торопливо выключил свет и бросился в кровать.

— Не хочу быть лопухоидом! Не хочу! Плохо мне здесь! — шептал он, слушая, как поворачивается дверная ручка.

Вновь вспыхнул свет. Мама стояла в проёме — крохотная, но убийственно решительная:

— Я знаю, что ты не спишь! Не притворяйся!

— А... Что? Где?.. Я спал! — притворяясь, что зевает, недовольно возразил Генка.

— Не ври. Ты даже не щуришься от света. Почему окно открыто? С кем ты разговаривал? — требовательно спросила мама.

— У меня была девушка, — сказал Генка. Порой, чтобы обмануть, проще всего сказать правду.

— В самом деле? И где же она?

— Вышла через окно.

Мама покосилась на раму и хмыкнула. Она реально смотрела на вещи. Девушки, выходящие через окно восьмого этажа, чаще оставляют след на асфальте, чем в чьей-то жизни.

— Больше не смей открывать даже форточку! Форточки, как, кстати, и девушки, придуманы для здоровых людей, а не для таких болезненных, как ты! — проговорила она. — Тебе всё ясно?

— Так точно, — басом сказал Генка.

— Не «так точно», а «да, мамочка!».

— Да, мамочка!

— И не вздумай больше включать по ночам компьютер. Твои бредовые книжки я тоже забираю. Получишь после экзаменов, если сдашь все тесты. Большого я от тебя не ожидаю.

Мама плотно закрыла окно, собрала с пола оккультные книги Бульона и, бросив на сына ещё один пыливый взгляд, вышла. В комнате сразу стало душно и тошно, как в каземате. Генка лежал и тупо таращился в белеющий над ним потолок.

— Я не лопухойд... Не лопухойд! Не хочу здесь, хочу в Тибидохс! — повторял он одними губами.

Мама давно спала праведным сном инквизитора, только что спалившего десяток ведьм, а Бульон всё смотрел в потолок и повторял, повторял, повторял одно и то же. Никогда и ничего прежде он не желал с такой чудовищной силой. Он почти зримо ощущал, как потоки желания отрываются от него и бомбардируют Вселенную, просачиваясь во все миры.

И с каждым новым повторением что-то менялось в самом Бульоне независимо от его воли. Его магические способности, столько лет заблокированные, пробуждались. Скорлупа привычного уклада трескалась, уступая место чему-то новому. В состоянии полуяви-полусна Генка ощущал себя коконом, от которого отходят десятки и сотни нитей, излучающих пульсирующий свет. И каждая нить, и всё, что она пронизывала, было тоже им, Генкой Бульоным. Странное, противоречивое чувство овладело им. Генке чудилось, что он увеличился до размеров Вселенной и одновременно съёжился и стал крохотным, как горчичное зерно.

— Я не лопухоид... Я хочу в Тибидохс... Когда это наконец кончится? — бормотал он, терзаемый противоречиями.

И вот под утро, когда Генка, утративший уже счёт времени, провалился в сон, что-то вдруг полыхнуло. Бульонову смутно померещилось, что это вошла мама и включила свет. Рядом со стулом на ковре, зеленоватого мерцающего, лежала книга размером примерно с ладонь. На переплёте из светлой кожи кое-где проступили пятна плесени. В центре обложки помещался серебряный скорпион.

Клеймо тибидохской библиотеки, которым джинн Абдулла проштамповал все без исключения волшебные книги на Буяне, отсутствовало. Бульонова это не насторожило. Он ещё не имел счастливой возможности познакомиться с милейшим Абдуллою и его трогательными привычками.

Ощущая в пальцах нервную дрожь, Генка потянулся к книге. Но не успел он прикоснуться к ней, как скорпион ожил и угрожающе поднял хвост. Книга распахнулась на первой странице. Бульонов увидел ограду из деревянных кольев. Почти на каждом висела высушенная голова. На крайней же голове, по виду самой свежей, с длинной белой бородой, кроме того красовалась ещё магфордская шляпа.

«Мы стремились узнать больше, чем Книга Рока собиралась показать нам», — прочитал Бульонов. Надпись была сделана рунами, но от рун поднимались тонкие лучи света, сплетавшиеся в воздухе в привычные буквы.

— Я не хочу ничего знать, — быстро сказал Бульонов.

Книга Рока разочарованно зашелестела страницами. Некоторое время она боролась с собой, а по-

том выругалась по-древнеиндийски и с напором сообщила:

«Нет, ты хотел! Не скрывай, маг! Я видела: ты протянул руку!» Надпись появилась на камне, и пустые кольца в ограде перестали подпрыгивать.

Генка быстро попятился. Он уже сообразил, что у книги не всё в порядке с психикой. Она слишком равнодушна к человеческой крови.

«Думаешь, от меня можно убежать, а, маг?» — глумилась книга, и Генка внезапно понял, что стоит на эшафоте, а рядом в дубовой колоде торчит большой, далеко не стерильного вида топор.

— А-а-а! Нет! Я не маг! — крикнул Генка.

«Как не маг? — не поверила книга. — Если бы ты был лопухондом, ты бы меня попросту не увидел. Так что... давай, милый, не вольтни...»

— Я не маг! У меня нет ни кольца, ни-ничего! — стуча зубами, заикнулся Бульон.

Книга Рока встревожилась. Оживший скорпион с обложки невесть как оказался на Генкиной шее и деловито пополз к вене. Здесь он замер, слушая, как пульсирует кровь. Генка обречённо ожидал укуса — но нет... Внезапно скорпион вновь стал серебряным и скатился с шеи Бульонова. Теперь он лежал на полу лапками кверху. Эшафот исчез. Дубовая колода с топором вновь прикинулась заурядным креслом, на спинку которого Генка по идиотской привычке развешивал на ночь носки и домашние брюки.

«Мне не суждено тебя убить! — грустно сообщила Генке книга. — Час, когда я встречу мага без кольца, который не произнёс ещё ни одного заклинания, должен стать последним часом Книги Рока!.. Это упомянуто на моей последней страни-

це. Меня заманили в ловушку, и я проклинаю ту, кто это сделала! Сейчас же подойди и ничего уже не опасайся».

Генка осторожно приблизился. Страницы Книги Рока начали быстро переворачиваться. Мелькали руны и иллюстрации. Дважды или трижды Генка случайно замечал на страницах такое, от чего его желудок едва не выворачивался наизнанку. Например, схема извлечения жёлчи из живого лопухоида или сервировка стола при подаче на стол маринованного, чуть источенного червями покойника. Анатомический атлас в сравнении с этим показался бы просто книжкой для самых маленьких.

Внезапно Книга Рока перестала перелистывать страницы и мгновенно увеличилась в три или в четыре раза. Теперь лучи света уже не плясали в воздухе. Руны торопились превратиться в привычные буквы.

АРТЕФАКТЫ ВОЛШЕБНОГО МИРА

***Магоногая курица.** Копчёная курица, от которой можно бесконечно отламывать ножки и крылышки — они немедленно возникают вновь. Служит для обеспечения провиантом магических армий наряду со скатертями-самобранками. Немедленно оживает, теряет магические свойства и улетает при случайном прикосновении раскаявшегося вегетарианца. По этой причине магоногие курицы ныне большая редкость.*

***Галера демонов.** Деревянная заколдованная галера, на которой гребцами являются духи-демоны. На борту галеры можно рассмотреть девиз: «Septer*

in motu!»¹ Позволяет быстро и с относительным комфортом перемещаться по воздуху или по воде на любые расстояния. Главное условие: на галере нельзя спать, хотя монотонный скрип вёсел очень убаюкивает. Заснувший на галере сам превращается в духа-демона и становится одним из гребцов. Вызывается заклинанием «Матросиус».

Многоболтательный магвокат. Магвокат, на которого наложено заклинание многоречивости «Ораторис демагогис». Средняя скорость речи — до тысячи шестисот слов в минуту. Время речи не ограничено и может продолжаться от одного месяца до тридцати трёх лет, при этом магвокат ни разу не повторяется. Самое жуткое, что заклинание многоречивости продолжает действовать и после наступления клинической смерти магвоката, вследствие чего погребение чаще всего производится в звуконепроницаемых гробах.

Жезл «Похититель душ». Короткий жезл, заканчивающийся шаром в форме глазного яблока. При прикосновении к груди жезл забирает душу, оставляя невредимым тело, в которое может вселиться любой другой маг, готовый покинуть своё тело или уже покинувший его. Получил печальную известность во времена войн с нежитью, когда с его помощью был убит кентавр Тересий, союзник Древнира, а в его тело вселился шпион Чумы-дель-Торт. В результате кентавры вступили в войну на стороне нежити, что привело к ужасным послед-

¹ Всегда в движении (лат.).

ствиям. Были сбиты две летающие крепости магов, а астральная защита Тибдохса существенно повреждена.

Магия жезла является запрещённой. Сам жезл объявлен вне закона и находится в розыске. Последний раз жезл видели в начале XVII века в Венеции в лавке запрещённых магических предметов. Вскоре лавка была уничтожена агентами Магистрата, однако жезл пропал. Его дальнейший след потерян.

Ноев ковчег. Один из древнейших артефактов. Корма из ливанского кедра. Остальная часть ковчега изготовлена из магических деревьев, существовавших на Земле до Великого потопы и позднее не возобновившихся. По преданию, эти деревья, в свою очередь произошедшие от деревьев эдемского сада, умели говорить, передвигаться и содержали огромные запасы волшебства.

При строительстве ковчега Ноем использован эффект пятого измерения. Изнутри ковчег значительно больше, чем снаружи. Представляет собой лабиринт с большим количеством отдельных помещений, способных вместить до 100 000 видов различных живых существ. После окончания Великого потопы долгое время использовался как хранилище магических предметов. Позднее большая часть ковчега была сожжена молнией во время великой грозы, насланной ЧдТ и продолжавшейся полтора года.

В коллекцию Ноева ковчега входил один из важнейших артефактов, известный как пенсне Ноя, наделённый рядом уникальных волшебных свойств.

В последнюю ночь великой грозы пенсне пропало бесследно. Однако доподлинно известно, что в руки к ЧдТ оно не попало.

Из уцелевших после грозы досок ковчега магами Средневековья изготовлен ряд волшебных предметов. Один из них — контрабас Феофала Гроттера, предмет уникальнейший, но своенравный, крайне неохотно расстающийся со своими тайнами. Значительная часть его свойств осталась неизвестна даже его создателю Ф. Г.

Генка облизнул губы. В висках у него стучало. Чудилось, что он стоит перед дверью, распахнутой в далёкий и чудесный мир. Собираясь перевернуть страницу, Бульонов протянул было руку, но замешкался, вспомнив крутой нрав книги.

И тут внезапно все руны разом пришли в движение. Прежний текст, повествующий об артефактах и магических предметах, исчез. Теперь в центре страницы осталось лишь несколько фраз. Буквы были острые и тонкие, точно сложенные из кос и виселиц. Бульону казалось, они приплясывают — ехидно и пакостно.

Тебе скверно среди лопухоидов, да?

Хочешь, чтобы всё изменилось?

Произнеси: «Аидус лета харонум танталум!» —

прочитал Бульонов.

Надо отдать Генке должное, он всё же засомневался, стоит ли ему произносить это мрачное заклинание. Но всё же это была единственная связь с чудесным миром. Единственная нить и единственный шанс. А тут ещё мама зашевелилась за стенкой и отчётливо произнесла во сне: «Гена, не смей снимать шарф!»

И Генка решился. Отчасти из-за мамы, отчасти потому, что то, что окружало его — все эти серые пятна реальности, тусклые люди, дежурные фразы и колючие запреты, — давно уже ему обрыдло.

— *Аидус лета харонум танталум!* — громко произнёс он.

Генка и не подозревал, что на самом деле он использует грозное древнее заклинание вызова из Потусторонних Миров. Заклинание, которое может иметь силу, только если станет первым заклинанием, которое произнесёт начинающий маг.

Волшебного перстня у Бульонова не было, зато присутствовал магический дар. Искру же выбросила сама Книга Рока. Причём такую, что её ветхие страницы не выдержали слишком яркой вспышки. Обложка вспыхнула и обратилась в пепел. Ещё миг — и осыпались страницы. Древняя черномагическая книга перестала существовать, но это уже ничего не могло изменить. Осыпаясь, пепел успел ещё сложиться в надпись: **«Берегись хозяйки скорпиона!»**

* * *

Пока Генка тупо смотрел на пепел, размышляя, кто такая хозяйка скорпиона, комната вдруг заполнилась мятущимся оранжевым пламенем. Генку обдало сухим жаром. Бульонов торопливо оглянулся.

Четыре блика света — отблески раздроблённого рамой уличного фонаря — собрались воедино. Обрели объём и плоть. Что-то неуловимое пронеслось по комнате, раздуло шторы, холодным и одновременно обжигающим дуновением коснулось лица Бульонова. Посреди комнаты появилась страшная старуха,

сотканная из пламени. Её тело было из белого огня, лицо с тонкими чертами — из желтоватого, длинные волосы струились по плечам испепеляющими языками пламени. На месте рта и глаз зияли чёрные провалы, в которых вспыхивали и гасли колющие алмазные огни.

— *Фесих ригам хора афоал!* — усмехаясь, произнесла она и протянула огненную руку.

Рука вытянулась, пересекла комнату и коснулась волос отпрянувшего Бульонова. В следующий миг Генке почудилось, что старуха вспыхнула ещё ярче, взвилась к потолку потоком искр и вдруг через ухо втянулась в его голову. Бульонов закричал и стиснул руками виски. Он ожидал жгучей боли, но боли не было. Лишь прошелестел смех — чужой, неприятный, похожий на звук наждачной бумаги.

Генка покачнулся и схватился за голову. Примерно минуту он простоял так, а потом дико уставился на свои ладони, будто видел их впервые. Теперь он помнил лишь, что вечером лёг в кровать, к нему прилетала Гробыня и он прочитал несколько страниц из Книги Рока. А всё то, что было после, напрочь изгладилось у него из памяти.

Вытирая пот со лба, Бульон с удивлением обнаружил, что концы волос у него обгорели. Что-то звякнуло у него под ногой. На ковре лежала вполне заурядная брошка в виде серебряного скорпиона. Генка хотел подобрать её, но брошка вдруг заалела и, мигнув, исчезла.

Ничему уже не удивляясь, Генка, едва раздевшись, рухнул на кровать и сразу уснул.

Глава 2

«ИСКРИС ФРОНТИС ФОРТЕ!»

В первую пятницу мая Безглазый Ужас в подвале перестал душераздирающе стонать и греметь кандалами. По грудь втянувшись в пол, призрак заинтересованно уставился на каменную стену, на которой сами собой проступили кровавые пятна.

— Это *та самая* стена... Скоро что-то будет... — сказал он с нехорошим смешком.

Почти в ту же минуту тремя этажами выше Великая Зуби с удивлением разглядывала руны, вышедшие только что из-под её пера. Эти грозные, точно сотканные из пламени руны совсем не походили на заурядные руны угрызений совести, которыми Зуби собиралась усостыжить своего мужа Готфрида за то, что он за ужином слишком засмотрелся на Медузию.

«Хм... Хотела бы я знать: что это означает и как меня угораздило?» — подумала Зуби. Она попыталась стереть руны, но те стремительно разбежались от её ладони. В этот момент Зуби впервые посетило нехорошее предчувствие.

Недолеченная Дама томно выплыла на стену Тибидохса и посмотрела на луну. Луна была красная и плоская. Она точно прилипла к горизонту, окрашивая океан в алый цвет. Взгляд Недолеченной Дамы мечтательно затуманился.

— Такая луна была в день, когда моё сердце перестало биться. Жаль, нельзя заново пережить этот волнующий момент... — произнесла она.

Рядом кто-то хмыкнул. Повернув голову на сто семьдесят градусов, что было бы весьма экстремально для простого смертного и даже для живого мага, Дама увидела Поручика Ржевского.

— *Воп soir*, мамуля! Опять скорбим?.. А я вот даже не помню, как умер. Стоит наш гусарский эскадрон полевым лагерем. Гусары, значит, у костров, то-сё, кашку, картошечку, а мы, офицеры, в палатке у эскадронного — лихой был рубака. Как раз случился день его ангела. Ну выпили бутылочку-другую за нашу победу... В общем, только нам хорошо стало, а тут часовой стреляет. Французы! Ну, я выскакиваю из палатки, прыгнул на коня, саблю наголо — и в бой. Лечу, рублю направо и налево, крошу всех в капусту. Демон тьмы, властитель боя! Неприятель в ужасе! О моей отваге, мамуля, слухи ходили! Меня сам государь отличал! И вдруг вижу — несётся мне навстречу толстый французский кирасир. Я увернулся от его удара и всадил ему клинок снизу под кирасу, да только вдруг смотрю: моя сабля проходит сквозь француза, а он даже не замечает. Я лечу дальше — и та же история. Бой идёт, я сражаюсь как лев, проявляю чудеса геройства — и ничего. Тут я оглядываюсь и, вообрази, обнаруживаю, что меня убили. Весь окровавленный, я лежу на траве, сжимая в руке саблю, а мой верный конь стоит рядом и жалобно так толкает меня мордой...

Поручик душераздирающе вздохнул и покосился на Даму. Недолеченная Дама, никогда не упускавшая случая проронить слезу, сострадательно всхлипнула и начала было деловито отжимать носовой платок

перед новыми, уже более продолжительными рыданиями, но, внезапно спохватившись, с сомнением взглянула на мужа. Она всегда почему-то думала, что он служил в пехоте. Правда, иногда воображение переводило его в артиллерию. Теперь же выплыли вдруг новые подробности.

— Постой-ка, а ножи?.. Ты же утверждал, что тебя зарезали на балу? — удивилась она.

Ржевский закашлялся:

— Кгхм-кхх... В самом деле? Э-э... Так и быть, признаюсь. Только тебе. После того случая с ножами я выжил. Меня спас наш полковой доктор. Гений, мамуля, просто гений. Напоил водкой до бесчувствия и штопал всю ночь. Подумаешь: что такое дюжина ножииков для мужчины в расцвете лет, который выпивает в день не больше двух бутылок вина и выкуривает всего десяток трубок?

Поручик быстро взглянул на супругу, проверяя, какое впечатление произвёл его рассказ. Поверила ли?

— Да, дорогой. Конечно, дорогой! Приди же ко мне в объятия! — коварно улыбнувшись, сказала Дама.

Она уже поняла, что одержала победу. Теперь ей долго будет чем язвить мужа. «Лет на пять хватит, а там придумаю что-нибудь новенькое», — прикинула она.

Привидения поцеловались. При этом их носы глубоко вошли друг в друга, чему ни Дама, ни Поручик не придали особого значения. Призраки вообще снисходительно относятся к мелочам. Некоторые из них так обленились, что даже не пытаются переставлять ноги, а просто плывут над полом, точно влекомые ветром.

— В ближайшие дни что-то должно произойти. Вот увидишь, дорогой! У меня редкое чутьё на смерть, — вдруг задумчиво сказала Недолеченная Дама. Она никак не могла отделаться от того первого впечатления, когда только увидела сегодняшнюю луну.

Ржевский расхохотался своим неподражаемым смехом, звучащим как ржание целого кавалерийского эскадрона.

— Больше трупов — больше призраков! — прокомментировал он.

* * *

Нападающий сборной Тибидохса Семь-Пень-Дыр сидел у себя в комнате, запершись на два основных заклинания и одно добавочное. Он был серьёзен и сосредоточен, как хирург перед операцией. Перед Семь-Пень-Дыром стояла шкатулка, очень похожая на ту, с которой некогда ездил по России небезызвестный интуитивный маг-психолог и просто пройдоха Чичиков.

Выдвинув у шкатулки секретный ящичек, Семь-Пень-Дыр слюнявил пальцы и пересчитывал жабы бородавки, зелёные мозоли и дырки от бубликов.

— Четыреста девяносто два плюс десять от Тузикова... Итого: пятьсот две жабы бородавки, триста восемьдесят зелёных мозолей и две тысячи семьсот пять дырок от бубликов!.. Почему семьсот пять? Ага, тридцать сегодня взял Жикин... Опять небось на подарки своим цацам. Пусть только попробует задержать — сразу процент подниму! Эхе-хех, грехи наши тяжкие!

Пень вздохнул, закрыл шкатулку и, положив на неё подбородок, задумался. Когда он попал в Тибидохс одиннадцатилетним мальчишкой, по горячности превратив учительницу в выдру, он был так же беден, как Танька Гроттер. Только Гроттерша сразу тратила ту небольшую стипендию, которую ежемесячно выдавал студентам Сарданапал. Семь-Пень-Дыр же вначале экономил, отказывая себе во всём, даже в необходимом, а затем додумался ссужать товарищам деньги в рост под грабительский процент. Из опасения, что деньги ему не вернут и он потерпит убытки, Пень накладывал на дырки от бубликов и на зелёные мозоли всевозможные заклятия и тройные угрызения совести. В день же раздачи стипендии Дыр стоял где-нибудь в уголке и как паук собирал долги, с математической точностью высчитывая проценты.

«Оно конечно, сдирать с товарищей деньги неловко... Да только я же не заставляю их у меня брать! И вообще, кто родился шляпой, тот всё равно всё прошляпит!.. Лучше уж я, чем кто другой...» — самодовольно говорил себе Пень.

Внезапно, когда наслаждение обладанием достигло пика и душа Пня купалась в магических дензнаках как ангел в тучке, какая-то неприятная мысль настигла его и, ударив под дых, испортила настроение.

«Тут вкальываешь-вкальываешь, а всё равно у меня нет и тысячной доли того, что есть у Бессмертника Кощева только в одном каком-нибудь его подвале. Это ж сколько мне ещё за ними гнаться!.. Нет, точно в ближайшее время произойдёт какая-нибудь гадость. У меня на это нюх!» — подумал Пень и впал в глубочайшую меланхолию.

* * *

Горыня, Усыня и Дубыня обходили потайные самострелы в лесу, примыкавшем к скалистому берегу. С добычей всё было глухо. Те из лосей и оленей, что не стали ещё шашлыком, научились быть осторожными. Перешагивая через корягу, Дубыня неосторожно задел протянутую над тропой верёвку. Тренькнула тетива. Тяжеленная стрела вонзилась богатырю в ляжку. Её зазубренный наконечник вышел с другой стороны.

— Глуха-клюха! Чихать на твою рать! — с чувством произнёс Дубыня и тяжело обрушился на землю.

Горыня и Усыня принялись ругаться, споря, кто из них поставил здесь самострел. Выходило и так и эдак. Истина ускользала, как мокрое мыло. Проругавшись минут с десять, братья вспомнили о раненом Дубыне и, взвалив его на плечи, потащили в магпункт. Дубыня стонал и порывался поубивать всех подряд.

— Как в Тибидохс войдём, ты помалкивай. А то Медузия услышит. Сам знаешь, что нам за браконьерство будет. Наложат заклятие, переведут на одну пшённую кашу — хоть в Магфорд беги! — опасливо предупредил Горыня.

— Клоп с ней, с Медузией! Пускай слышит! — заявил Дубыня.

Но всё же напоминание о доценте Горгоновой заставило его взять себя в руки. Он стиснул зубы и лишь изредка, когда становилось особенно больно, обращался к таинственной глухе-клюхе.

У подъёмного моста Усыня наступил себе на ус и остановился. Его плоское, всё в рытвинах лицо приобрело задумчивое выражение.

— Давно не было такого скверного мая. Вот помните моё слово, что-нибудь да будет! — сказал Усыня.

— Не каркай! — проворчал Горыня и немедленно получил дубинкой по уху от обидчивого брата.

Число пациентов Ягге разом удвоилось.

* * *

После того как Тане удалось одержать победу над Цирцеей, её страсть к Пупперу пошла на убыль. Нет, окончательно излечиться от любви ей пока не удалось. Магия вуду не та магия, которую можно обуздать за одну минуту, час или день. Она въедается в кровь и плоть точно яд. Растравляет душу. Нужно много недель мучительной борьбы с собой, много бессонных ночей — и то ещё неизвестно, кто возьмёт верх.

Таня продолжала любить Гурия, но одновременно она любила и Ваньку. Порой она сама удивлялась этой противоречивости. Пуппер и Ванька абсолютно дополняли друг друга. В Пуппере были черты, которых не было в Ваньке, но одновременно мягкий и озорной Валякин многим превосходил прямолинейного Пуппера, имевшего привычку кстати и некстати вспоминать про свой счёт в банке и плачущегося в жилетку после каждого столкновения с тётями. Порой Таня ловила себя на мысли, что целоваться ей больше хочется с Ванькой, а по ресторанам ходить с Пуппером.

Бывало, она срывала в поле ромашку и гадала: «Ванька... Пуппер... Ванька... Пуппер». Иногда выходило, что она останется с Ванькой, а иногда — что с Пуппером. И всякий раз результат гадания казался Тане окончательным и бесповоротным. Гробыня

тоже любила гадать подобным образом. Правда, если у Тани это была ромашка, то мадемуазель Гробыня отрывала лапки мухам. К тому же гадания её имели очертания даже не любовного треугольника, а гораздо более сложной фигуры.

— Пуппер... Жикин... Гуня... Шейх Спирия... Семь-Пень-Дыр... Бульон... Тьфу ты, опять лапки кончились! Что же мне, с Бульоном оставаться? — раздражённо говорила Гробыня и, чтобы подтасовать нужный результат, отрывала мухе ещё и крылья.

«Вот и я как Склепова! Никак сама в себе не разберусь! И как меня такую могли перевести на белое отделение? Ванька вяловат немножко, но это потому, что он мой ровесник. Подрастёт — станет побойчее. Зато его руки не ползают куда не надо. И целуется он хорошо. Гурик, конечно, поэнергичнее, но у него подбородок колючий, а бриться ему киношники запрещают!» — думала Таня. Порой после таких размышлений она начинала опасаться, что из её перстня вновь будут выскакивать красные искры.

* * *

В тот тёплый майский вечер Соловей О. Разбойник был в хорошем настроении. Посоветовавшись с Дедалом Критским, он решил разнообразить тренировку и вместо подросших сыновей Гоярына, которые всё чаще путали игроков с кровяными бифштексами, выпустил на поле десятка два амурчиков. Пухлые купидоны резвились под куполом, кувыркались и со свистом рассекали воздух золотистыми крылышками.

— И что нам делать с этими оболтусами? — кисло поинтересовался Жора Жикин.

— Поймай хотя бы парочку! Представь, что это мяч! — насмешливо предложил Соловей.

— Поймать? Да как нечего делать! Эй ты, пацан в красных трусах, стоять бояться! — крикнул Жикин.

Он погнался за ближайшим купидончиком и почти уже схватил его, но тот изловчился и быстро нырнул вниз. Жора замешкался, не притормозил и впечатался лбом в купол. Купидончики мельтешили, хихикали и прятались друг за друга. То там, то здесь мелькали их розовые ускользающие пятки. Вскоре сборной пришлось признать, что купидоны куда манёвреннее и хитрее магических мячей. Лично же Таня убедилась в этом, едва не расколов о купол свой контрабас. Увернувшийся купидончик заливался звонким смехом у неё над головой.

Наконец Кузя Тузиков изловчился и, поймав упитанного младенца, только что увернувшегося от Кати Лотковой, небрежно сунул его под мышку. Разгневанный купидончик заверещал как поросёнок, выдернул из колчана стрелу и, не потрудясь даже наложить её на тетиву, воткнул Тузикову в бедро. Кузя вскрикнул, выпустил купидона, порозовел, позеленел, снова порозовел и точно перезрелая груша кувыркнулся с реактивного веника. Хорошо, что было не слишком высоко.

К Тузикову, прихрамывая, кинулся Соловей и принял его трясти. С минуту Тузиков оставался неподвижен. Потом томно приоткрыл глаза и задумчиво уставился на тренера.

— У тебя есть капитанская фуражка? — поинтересовался он. — Я люблю почталыонов, но ты тоже симпатичный!

— Не-е-ет! Что вы с ним сделали? — возмущённо завопила Рита Шито-Крыто, обстреливая амурчиков своими убийственными глазами.

Взбешённый Соловей лично сшиб купидончика свистом и, за ухо подтащив его к Кузе, заставил снимать любовную магию.

— Я тебе дам какие попало стрелы использовать! А ну лечи давай! — крикнул он.

— Отпусти ухо, фулюган! — пропищал купидончик.

— Не отпущу! Так лечи!

Купидончик достал другую стрелу и её опереньем начертил на ноге Кузи какой-то знак. Тузиков вновь, радужно меняя цвета, опрокинулся на песок. Минуту спустя он встал и на негнущихся ногах направился к реактивному венуку.

— Парень, ты в порядке? — крикнул ему Соловей.

— Моя твоя не понимай! Хочу рисовать маслом и кататься на слонятах! Других слабостей у меня нет! — отчётливо сказал Тузиков.

Опростоволосившийся купидончик торопливо слынял.

Тренировка продолжалась. Постепенно сборная приноровилась к суетливому мельканию розовых пятток и золотистых крылышек. Игроки перехватывали купидонов влёт, иногда даже по паре штук.

Раззадоренные младенцы принялись осыпать тибидохцев стрелами. По счастью, после истории с Тузиковым Соловей заранее велел снять с золотых стрел наколочки. Это значительно ослабляло любовную магию, и любовь получалась мимолётная, на уровне флирта. Техничный донжуан Жора Жикин ухитрился влюбиться за тренировку трижды. Девочка-пантера Маша Фекли-

щева — пять раз. Сколько раз влюбился Баб-Ягун, не знал даже он сам. У говорливого внука Ягге с точными науками было взаимное недопонимание.

После тренировки Таня вышла из раздевалки и обнаружила, что её ждёт Ванька. Это всегда было приятным сюрпризом. Ванька редко предупреждал о своём появлении. Его коньком была непредсказуемость. К тому же в последние недели у них с Тара-рахом было много возни с магическими зверями. То драконы принимались угасать и их отпаивали ртутью, то гарпии стали гибнуть, подхватив магический вирус от птицы феникс, от которого сам феникс излечился элементарно, применив своё коронное самосожжение и возродившись из пепла.

— Привет! Я был тут неподалёку и решил заглянуть, — сказал Ванька.

Таня спрятала контрабас в футляр и вручила его Ваньке. Валякин всегда охотно таскал её контрабас, в отличие, кстати, от Пуппера, который, обжёгшись ещё в подростковом возрасте на феминистках типа Гореанны, предпочитавших всё делать самостоятельно, не всегда решался предложить помощь.

Они пошли к Тибидохсу, делая большой круг, чтобы не сразу оказаться у школы. Ванька рассказывал Тане что-то забавное, кажется о Тара-рахе, который гонялся сегодня с утра за болотными хмырями, устроившими погром в его берлоге. Когда Таня засмеялась, Ванька обнял её и поцеловал.

В этот самый неподходящий, или, напротив, исключительно подходящий, момент (с какой стороны посмотреть) их прервал чей-то гневный вопль. Сверху на метле спикировал Гурий Пуппер, имевший почти магический дар появляться некстати. Соскучившись по Тане, он ре-

шил навестить её. Пуппер был в новой майке, с которой добрыми глазами смотрела его тётя. Заметив Таню, тётя на майке мгновенно повернулась к ней затылком.

Пуппер спрыгнул с метлы. Как порой случалось с Гуриком, от негодования он растерял добрую треть русских слов.

— Damn! Отойди от неё, валяйнок! — крикнул он, причудливо скреживая «Валякина» с «валенком».

— Сам отойди, лох румяный! — мгновенно парировал Ванька. Ему было проще. Всё-таки русский язык был его родной стихией. С «румяным лохом» он угадал. Пуппер от злости действительно основательно зарумянился.

— Do you understand me? Таня есть мой! Я, а не ты стану её хазбонд! — воскликнул Пуппер. — Ты, рашн лайпот, не стоишь один ноготь на её finger!

Некоторое время Ванька размышлял над словом «лайпот», но окончательно так и не определился с его значением.

— Сам ты фингер! — сказал он, решив придрататься к этому более обидному, с его точки зрения, слову.

— Лайпот!!! — взвыл Гурий.

Не вникая дальше в лингвистические тонкости, Ванька аккуратно поставил футляр с контрабасом на землю и шагнул к Гурию. Пуппер насмешливо ждал. Ванька смахнул с Пуппера подклеенные очки и точным ударом в подбородок заставил его сесть на землю. Таня едва поверила своим глазам — семнадцатилетний Пуппер был на добрую голову выше Ваньки и на десяток килограммов тяжелее.

Упавший Пуппер сразу же подскочил как пружина. Первым его желанием было кинуться на Ваньку с кулаками, но он сдержался.

— Посмотри на него! — сказал он, обращаясь к Тане. — Разве это мужчина? Он не сможет обеспечить тебе никакой левел оф лайф! Вы будете жить на берегу океана и есть тухлый рыба, которую бросать волны!

— Почему обязательно тухлую? — удивилась Таня. Ей стало обидно за Ваньку. Категоричность Пуппера выводила её из себя.

— Потому что он не заработать на удочку. Ха-ха! Это есть метафор! — категорично заявил Гурий, нашаривая на земле очки. — Ну вот, дужка отлететь! — сказал он укоризненно.

— Нечего ныть! Замотай скотчем! По-моему, они уже ломались пару раз, — хмуро посоветовал Ванька. С его точки зрения, очки Пуппера и прежде выглядели так, словно их переехали автомобилем.

— Глупый лайпот! Это есть такой модель от лучший магзайнер Буччи! Специально сломан и подклеен! Тебе, валяйнок, не расплатиться за эти очки всю жизнь, даже если продать тебя в рабство! — небрежно сказал Пуппер.

— Угу! — произнёс Ванька и вновь смахнул с Пуппера очки. Теперь они улетели вдвое дальше прежнего. К тому же на пути у них встретилось дерево. — Ой, какой я неосторожный! Теперь и скотч не поможет. Магзайнеру придётся повеситься на своих подтяжках, — грустно сказал Ванька.

Гурий позеленел от злости. Его длинное лицо приобрело необычно благородное и горделивое выражение. Ну прямо герцог Магкингем, основатель Магфорда, на парадном портрете.

— Моё терпение лопнуть! Я преподам тебе хороший lesson! Иди за мной, Джон Вайлялька, и не взду-

май отстать! Если попробуешь убежать, я буду отшлёпать тебя по задний карман твоих брук! — сказал он мрачно и, повернувшись, быстро пошёл к роше.

Добрая тётя, лицо которой смотрело теперь со спины Гурия, снова торопливо отвернулась. Но Тане было не до родственников Пуппера и не до их настроений. Она виновато смотрела на Гурия и Ваньку. В конце концов, всё, что происходило, происходило из-за неё.

— А ну прекратите! Что я вам, собственность? Какое вы имеете право меня делить? — сердито крикнула она.

Пуппер резко остановился и вернулся к Тане. Самая добрая тётя, вновь оказавшаяся к Тане лицом, пришла в замешательство и сердито завертелась как флюгер.

— Отлично. Определяйся: он или я? Есть у тебя свой мнений? Тогда говори! И пусть другой уйдёт сам — раз и форева! Ты согласен, Вайлялька?

Ванька кивнул.

— Клянёшься?

— Клянусь! — твёрдо сказал Ванька.

— И я клянусь! — повторил за ним Гурий.

Теперь оба — Пуппер и Ванька — выжидающе смотрели на Таню. Она, не ожидавшая этого и растерянная, замешкалась с ответом. Странная нерешительность овладела ею. Её душа буквально разрывалась на две половины — одна из них устремлялась к Пупперу, другая к Ваньке. Ей хотелось сохранить и того и другого. Сколько раз она потом проклинала себя за это!

Молчание затягивалось. Несколько раз Таня набирала воздух, чтобы произнести какое-нибудь одно имя, но так ничего и не произнесла. Зато в ней про-

снулось вдруг дикое раздражение человека, которого пытаются загнать в угол.

— Какие же вы оба болваны! Терпеть вас не могу! — воскликнула она, отворачиваясь.

— Не можешь решить? Прекрасно! Тогда мы решим сами. Пошли, Пуппер! — вспыхнув, сказал Ванька.

Теперь уже Гурий вынужден был тащиться за ним, что было не совсем приятно для его самолюбия. Роли переменялись. Таня, которую оба этих петуха почти не замечали, двинулась за ними следом.

— My dear Татьяна! Прошу, не ходи за нами. У нас будет разговор сугубо фо мэн! Я научить этот сосунок с причёской а la моцїк хороший манер! — обратился к ней Пуппер.

— Научишь, научишь... Всему научишь! Не отставай давай! — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, пообещал Ванька.

— Ванька! Не надо! — жалобно попросила Таня. Она отлично знала, чем закончится для Пуппера это Ванькино показное смирение.

— Нет надо! Подожди нас здесь!.. Я не сделаю ему ничего плохого: просто доступно объясню, что невест нужно искать подальше от Буяна, — твёрдо сказал Валялкин.

Тане стало тревожно за Пуппера. Правда, и за Ваньку она боялась ничуть не меньше. Но Ванька всё же был более приспособленным. Не проходило недели, чтобы он не подрался с Семь-Пень-Дыром, Ягуном или даже Гуней Гломовым. С другой стороны, драконбол, в который играл Пуппер, тоже не был спортом для благородных девиц и кое-чему должен был его научить.

Всё ещё надеясь им помешать, Таня кинулась было за ними, но тяжёлый футляр контрабаса оттягивал её плечо. Она остановилась, растерянная и очень недовольная всем происходящим.

В роще Пуппер обогнал Ваньку и пошёл первым. Ваньке это не понравилось, и он отгеснил Гурия плечом. Некоторое время они молча толкались на ходу. Ветки, которые никто не пытался придерживать, норовили хлестнуть по глазам. Наконец Гурий остановился, оглянулся и убедился, что деревья надёжно скрывают их от Тани и она не может ни видеть, ни слышать их.

— Последний раз спрашиваю: уступишь мне Таню или нет? — спросил Пуппер.

— Размечтался. Держи карман шире! — сказал Ванька.

— Но у нас с ней the great love!

— Меньше надо было ползунки выкрадывать и с Цирцейкой интриговать. Не было бы никакой «грейт лав», — насмешливо произнёс Ванька.

Об истории с ползунками знала уже вся школа. Не так давно Пипа под большим секретом рассказала всё Ритке Шито-Крыто, та под ещё бóльшим секретом — Зализиной, а Зализина назло Тане — Попугаевой. А рассказать о чём-либо Верке было всё равно что сделать объявление по зудильнику.

— Как хочешь, Вайлялька!

Гурий пробормотал заклинание. В руке у него появилась перчатка, которую он бросил Ваньке в лицо.

— Джон Вайлялька, ты есть наглый плут! Я вызываю тебя на магический дуэль! Один из нас умрёт! Вдвоём нам нет места в этот тесный жестокий мир! — холодно сказал Пуппер.

Ванька поймал перчатку, скользнувшую по его щеке, и в свою очередь швырнул её в лицо Пупперу. Два взгляда встретились — пылающий рассудочной отвагой взгляд Пуппера и прищуренный, испытующий взгляд Ваньки. Никто не собирался отступить.

— Дуэль так дуэль. Сам додумался или в книжке прочитал? — поинтересовался Валялкин.

— У тебя есть метла? — деловито осведомился Пуппер.

Ванька покачал головой.

— Ни метлы, ни ведра. Даже детского совочка нету. Я думал, всё это дворникам на работе выдают, — усмехнулся он.

— На чём же ты собираешься лететь без метлы? — спросил Гурий, не уловив юмора. — Магический дуэль происходит в воздухе!

— Я возьму у Ягуна пылесос, — сказал Ванька.

— Меня это устраивать, — кивнул Пуппер. — Завтра на рассвете мы подниматься над океан и каждый атаковать друг друга усиленный боевой искра. До тех пор, пока у Тани не останется только один поклонник.

— Или ни одного, — сказал Ванька.

— Или ни одного, — серьёзно подтвердил Гурий. — Моим секундантом будет my bodyguard Прун.

— А моим — Баб-Ягун. Думаю, он согласится... А нет, стоп! Ягуна нельзя, — спохватился Ванька. — У кого я тогда пылесос одолжу? Ладно, найду кого-нибудь ещё.

— Wonderful! Тогда до завтра! Встречаемся в четыре утра в этот же роцца. Постарайся не опаздывать, Джон Вайлялька. И ещё: когда мы сейчас выходить, сделай так, чтобы Таня ни о чём не догадался! Она

может помешать наш дуэль! — сказал Гурий, потирая пальцем свой знаменитый шрам в форме копирайта.

Для всех, кто знал Пуппера, это был верный знак того, что он просто в бешенстве.

— Она ни о чём не догадается. Уверяю тебя, — пообещал Ванька.

* * *

Таня, сходявшая от беспокойства с ума на опушке рощи, была поражена, когда из-за деревьев, любезно беседуя, появились Ванька и Пуппер. Они не только не собирались бить друг другу морду, но сделались, казалось, лучшими друзьями. Ванька что-то сказал. Пуппер засмеялся. Гурий что-то сказал. Ванька одобрительно похлопал его по плечу. Дружба была в самом разгаре.

«Что-то мне совсем не нравится, как они спелись. Может, это я теперь третья лишняя?» — негодуяще подумала Таня, хотя ещё минуту назад мечтала, чтобы всё закончилось мирно.

Одновременно она с удивлением смотрела на майку Пуппера. Самая добрая тётя, прежде демонстративно поворачивающаяся к ней затылком, пребывала в странном и необъяснимом возбуждении. Она таращила глаза, высовывала язык и делала рукой движение, точно затягивала у себя на шее петлю.

«Это она меня, что ли, удавить хочет? Очень милое и естественное желание!» — подумала Таня и, подождав, пока Гурий повернётся к Ваньке, чтобы сказать ему что-то дружелюбное, показала тётке язык. Тётя порозовела от негодования, оскорблённо заморгала и вновь повернулась затылком.

Вскоре Пуппер откланялся и улетел, уронив на прощание загадочную фразу:

— Dear Tanjusha! На всякий случай запомни меня таким! Вскоре мы с тобой будем либо очень близки, либо очень далеки...

— Что это он? О чём вы с ним говорили? — спросила Таня, провожая взглядом стремительно удаляющуюся спину Гурия. Пуппер сидел на метле как профи. Он был сгруппирован и одновременно расслаблен. Казалось, нет такой силы, которая сбросила бы его с метлы.

— Э-э... О разном, — неопределённо ответил Ванька.

— В смысле?

— Ну, в основном об очках. По очкам этот парень просто ходячая энциклопедия! У моего прадедушки остались прикольные очки — ободки из консервных банок, в которые вставлены два бутылочных доньшка! Я рассказал об этом Пупперу — он едва не умер от восторга. Мечтает заполучить их в свою коллекцию, — заявил Ванька, торопливо изобретая на ходу новые подробности.

Таня с сомнением посмотрела на него. Если по Ягуну и Пупперу было заметно, когда они лукавят, то Ванькин голос ничуть не менялся. Лишь насмешливо и хитро поблёскивали глаза. Вот и сейчас Таня догадывалась, что что-то неладно, но никак не могла понять, что же на самом деле произошло между Ванькой и Пуппером.

— А что это была за фразочка про очень близки и очень далеки? Не знаешь, что Пуппер хотел этим сказать? — спросила Таня у Ваньки.

— Вот уж не знаю, — ответил Ванька. — Англия — страна туманов. Они там такого туману пона-

пустят, что держись. Но ты Пуппера на всякий случай запомнила? Можешь представить, если закроешь глаза?

— Да, — неуверенно сказала Таня.

— Чудненько. А меня можешь? — ревниво спросил Ванька.

— Сейчас кто-то схлопочет ядрёный запук... Не буду я тебя представлять!

Фыркнув, Таня толкнула его под коленки контрабасом и, взвалив на Ваньку футляр, пошла к Тибидохсу. Позднее она сто раз ругала себя, что была в этот миг такой близорукой. Недаром Ягун, многократно влюблявшийся и столь же многократно терпевший фиаско, утверждал, что любовь делает человека слепым и глухим. «Всякий влюблённый немного кретин, но всё равно ради этого стоит жить!» — обычно добавлял он.

* * *

В половине четвёртого утра в комнате у Шурасика деревянная статуэтка Древнира окуталась вдруг золотистым сиянием и принялась обстреливать бедного владельца заклинаниями бодрости. Эту статуэтку, вырезанную тибидохскими домовыми из лукоморского дуба, Шурасик, как единственный тибидохский отличник, получил ещё в прошлом году из рук самого Сарданапала.

Шурасик упорно сопротивлялся. Он и бодрость были понятия совершенно несовместимые, особенно в такой час. Высунув из-под одеяла руку с перстнем, он запустил в статуэтку «Дрыгусом-брыгусом», которую деревянный Древнир с лёгкостью парировал.

— *Кофеусрастворимус!* — немедленно отвечала умная статуэтка.

— *Идиос нафигус!* — применял нейтрализующее заклинание Шурасик.

— *Чифирюс!*

— *Гопус-стопус! Отвалеус!*

Некоторое время Шурасик и статуэтка Древнира перешвыривались запуками, искрами и слезами, всё больше входя в раж. В результате на сухом дереве фигурки зацвела вишня, а подушка Шурасика была разнесена в пух и перья, точно близким выстрелом из базуки.

Рассерженный Шурасик приготовился ответить чисто конкретным заклинанием калибра 7,62, но вовремя спохватился, что сам вчера заговорил статуэтку, чтобы она разбудила его в это время. К тому же, перебрасываясь со статуэткой атакующей магией, он окончательно проснулся, так что цель в конце концов была достигнута.

— *Спасибус не булькус сменяюс пузырюс!* — произнёс Шурасик формулу общей благодарности, одну из семи универсальных формул Астрокактуса Параноидального.

Астрокактус был знаменитый маг: он начал жизнь как гений — открытием волшебного спирта, погружающего в состояние вечного удовольствия, и закончил как гений — в психушке с белой горячкой.

Услышав формулу общей благодарности, деревянная фигурка Древнира довольно скрипнула и перестала окутываться сиянием. Можно было отправляться в рошу искать волшебные корни незрим-травы, ради чего Шурасик, собственно, и поднялся на рассвете.

Большинство магических отваров сохраняют свои свойства лишь несколько мгновений. К примеру, то,

что только что было эликсиром привлекательности, превращается в смертельный яд спустя ровно секунду после приготовления, и маг, замешкавшийся сделать глоток, имеет больше шансов стать трупом, хотя, никто не спорит, чертовски привлекательным. Та же или почти та же история повторяется с настойкой вечной жизни, растиркой красоты или бальзамом всеведения. Незрим-трава — и это главное её свойство — делает связи других магических составляющих долговечнее. Правда, даже она не гарантирует, что бальзамы или эликсиры будут храниться вечно, но поднести кубок ко рту успеть можно.

Нет смысла объяснять, что в мире магов незрим-трава ценится куда больше золота, произвести которое из обычного свинца способен всякий нерадивый аспирант кафедры общей магии, помнящий формулу всеобщности и способный вычертить перстнем по воздуху пару рун.

Лопухоидам незрим-трава неизвестна по двум простым причинам: первая — трава живёт только один день и бесполезно искать её назавтра там, где она была вчера. Вторая — трава невидима и поиски её превращаются в гонку за призраком.

Прежде Шурасик выменивал незрим-траву у малячки Клоппика, но теперь тот растранижил все запасы и Шурасику волей-неволей пришлось искать её самому. Он собирался уже неделю, но всё время просыпал, пока не догадался заговорить фигурку. Шурасик вооружился ржавым турецким кинжалом, взял вилочку из скелета лягушки и отправился в рошу. Здесь он остановился и задумался, соображая, откуда начать поиски.

«Главное, ничего не перепутать. Нож держать в левой руке. Корень брать не рукой, а вилочкой из

скелета лягушки, зарытой в муравейнике. Через все препятствия перешагивать левой ногой. На солнце не смотреть. По дороге не оглядываться», — напомнил себе Шурасик.

Задача перед ним стояла непростая. В «Справочнике мага-травника»¹ чёрным по белому было написано, что незрим-трава любит солнце, но не переносит света. Предпочитает низины и овраги, но растёт исключительно на возвышенностях. Требуется постоянного полива, но ненавидит влагу. Кроме того, незрим-трава растёт наоборот — на рассвете она до колена, в полдень чуть выше ступни, на закате же втягивается в землю, чтобы завтра появиться невесть где.

Шурасик безуспешно раскапывал кинжалом землю, как вдруг вспышка семи радуг «Грааль Гардарики» заставила его торопливо опуститься на четвереньки и резво отползти в лопухи. Он хорошо помнил правило номер пять настоящего мага-травника: когда ищешь незрим-траву, не попадайся никому на глаза — или в тот день точно ничего не найдёшь.

Прячась в лопухах, Шурасик видел, как, скользя между деревьями, на поляну опустились Гурий Пуппер и Прун. Оба были на мётлах, оба в тёмных плащах. Бледный и благородный нос Пуппера был украшен тоненькими очками в стиле «мальчик-вампи» (№ 45 его уникальной коллекции). Попутно очки Гурия были снабжены особыми стёклами, позволяющими определять тип атакующей магии и её интенсивность. Возможно, по отношению к Ваньке, который не имел таких очков, это было не совсем честно, но, как шу-

¹ Справочник мага-травника. Изд. 13-е, усечённо-дополненное; под общей ред. проф. Клоппа. Лысая Гора, 1894 г.

тил семейный адвокат Пупперов Хадсон: «Справедливость — понятие несправедливое».

Демонически скрестив руки на груди, Гурий прохаживался по роще, пылая от негодования. Изредка он взмахивал рукой, как если бы уже сейчас сокрушал Джона Валяльку боевой искрой.

Зато Прун ощущал себя явно не в своей тарелке. Всю сегодняшнюю ночь он кричал во сне. Его мучили кошмары, что сделают с ним тётки Пуппера, если Гурий погибнет. «Бросят в зыбучие пески и, пока я буду погружаться, станут читать мне нотации! А то и того хуже: превратят в подставку для сапог-скороходов», — мрачно размышлял он.

А ещё он думал так: «И подложили же мне свинью! Почему Гурий не выбрал секундантом Гореанну? Женщина-секундант — это так необычно! К тому же у Гореанны есть глазомат. От тёток она бы как-нибудь отбилась».

Пока Шурасик, выглядывая из лопухов, соображал, что делают здесь Пуппер и Прун, послышался рёв двух приближающихся пылесосов. С одного пылесоса прыгнул Ванька, с другого — Гуня Гломов. Гуня был единственным, кого Ванька сумел разбудить в этот час. Узнав про дуэль, Гуня воодушевился и заявил, что сам будет драться с Пуппером, если тот одолеет Ваньку.

— Как ты с ним будешь драться? У тебя же с магией неважно! — улыбнулся Ванька.

— У меня есть коронное заклинание «Гломус вломус!» Стиль чугунного кулака! Просто, как истина. Китайские школы отдыхают, японцы отправляются на перекур! — заявил Гуня и нежно посмотрел на свою огромную лапищу, которая выглядела так, точно была

плодом запретной любви ковша экскаватора и боксёрской перчатки.

Прежняя сила полностью вернулась к Гуне. Сложно было поверить, что недавно он лежал на кушетке в магпункте слабый как младенец. Но всё же пережитое потрясение не прошло для него бесследно. Например, прежний Гуня никогда бы не дал Пупперу такую сложную характеристику:

— Он мне никогда не нравился. Шрамик нагленький на лбу, очки, галстук... Ну прям сетевой распространитель с Лысой Горы. Я всё жду, когда он предложит мне отвёртку-фонарик со встроенным датчиком магии вуду или набор шариковых ручек — дырка от бублика штучка, две дырки кучка.

— Тихо! — сказал Ванька. — Они уже тут!

Гуня и Ванька подошли к Пупперу. Гурий сухо поклонился.

— Ты опоздал, лайпот! Джон Вайлялька! — укоризненно сказал он.

— Это ты прилетел раньше, Гуся Поффер! — щурясь на всходившее солнце, произнёс Ванька.

Проигнорировав его, Пуппер посмотрел на Гуню.

— А вы есть секундант?.. Очень приятно... Пуппер. Пуппер Гурий, — представился он, одаривая его профессиональной улыбкой.

Гуня тоже вежливо улыбнулся. Улыбка у Гуни была, увы, не голливудская. Максимум мосфильмовская.

— Гуний. В смысле... кгхм... Супергуний! — шаркая ножкой сорок восьмого размера, сообщил он.

Пуппер вежливо приподнял брови.

— Really? Супергуний? — переспросил он.

— А чего? Нельзя, что ли? — набычился Гломов.

— Почему нельзя? Можно! — поправляя очки, разрешил Пуппер.

«Пуппергурий» и «Супергуний» раскланялись и взаимно потеряли друг к другу интерес.

Воинственный Прун вслед за Гурием тоже возжелал сказать что-то колкое в адрес второго секунданта, но вовремя посмотрел на Гуню. Блаженная улыбка и удалой размах его плеч заставили Пруна передумать.

— How do you do, mr. Glomoff? — вежливо осведомился он.

— Спасибо, Пруша, помаленьку, — отвечал Гуня, дождавшись от Гурия перевода. Из английских фраз он помнил только «What is your name?», да и то больше на уровне генетической памяти.

Тем временем удивление подглядывающего Шурика перешло все возможные и невозможные границы. Отодвинув носом лопух, он попытался не упустить ни единого звука.

— В первый и... ну это... в последний раз предлагаю вам отказаться от дуэли! — сказал Гломов голосом, который сам по себе исключал всякое примирение.

Пуппер покачал головой. Ванька фыркнул.

Прун вздохнул. Ему продолжали мерещиться грозные тётки. Они плясали у него в глазах точно кровавые мальчишки.

— Не хотите мириться? Тогда чего мы стоим гарпий считаем? Меня что, напрасно разбудили? Давайте деритесь! — заявил Гуня.

Возможно, его кровожадность объяснялась тем, что он имел о магических дуэлях весьма приблизительное представление. Скорее всего, Гломов считал, что речь

идёт об обычном мордобое, после которого противники расходятся с разбитыми носами и поэтической синевой под глазами.

— Ещё раз напомнить правил в присутствии секундантов! — сказал Гурий. — Мы вылетать за купол и поднимать высоко над океан. Боевые искры выпускать по одной. Заклинание усиленной формы «*Искрис фронтис форте!*». В случае промаха всё повторяться, и так пока... пока всё не закончится. Число искр неограниченно. Предлагаю проверить мой и ваш кольца.

Ванька кивнул. Пуппер подышал на свой перстень, протёр его и, оглядевшись, выбрал цель. Это была часть старой крепостной стены, расположенная метрах в ста от них, там, где роща смыкалась с побережьем. Когда-то во время войн с нежитью здесь был один из внешних бастионов обороны, теперь уже почти разрушенный.

— *Искрис фронтис форте!* — твёрдо сказал Пуппер.

Очень яркая зелёная искра с треском оторвалась от его кольца и стремительно скользнула к стене. Послышался грохот. Взметнулась кирпичная пыль. С полдюжины камней было выбито. В стене образовалась приличная брешь, в которую мог бы протиснуться человек.

— Ничего. Слабовато, но сойдёт, — довольно сказал Пуппер, чуть встряхивая пальцами, чтобы остудить перстень. — Теперь ты, Джон Вайлялька!

Разинув рот, Гуня Гломов уставился на Ваньку.

— «*Искрис фронтис форте!*» Даже не просто «*Искрис фронтис!*»! Ну ты и влип! Это же похлеще базуки! — проговорил он.

Ванька пожал плечами. В отличие от Пуппера, он не стал протирать кольцо и прицеливаться, а просто, чуть согнув в локте руку и направив костяшки пальцев на стену, сказал:

— *Искрис фронтис форте!*

Зелёная искра, довольно яркая, но не такая, как у Пуппера, ударила в стену чуть выше пролома. Хотя глиняная крошка и брызнула, все кирпичи остались на месте. Пуппер удовлетворённо улыбнулся.

— Я недостаточно разозлился, — точно оправдываясь, произнёс Ванька. — Ничего. Ещё успею.

— Угу! Пропустишь одну такую искру и успеешь, — хмыкнул Гломов, разглядывая оставленную Пуппером брешь.

— Ещё не поздно отступить, Джон Вайлялька! Отдай мне Таню и не смей к ней приближаться! Ну? Клянись! — задиристо сказал Пуппер.

Ванька прищурился.

— Садись на метлу и не потеряй очки! Таню ты не получишь! — отрезал он.

Пуппер сухо кивнул и двинулся было к метле, но остановился. Прун что-то негромко подсказал ему по-английски.

— Он говорит, надо бросить жребий, кто стрелять первым. Секунданты тянуть соломинки. Тот, чей секундант вытянет короткую, будет вторым, — перевёл Гурий.

Прун нашёл две соломинки, обломал у одной конец и, спрятав обе в ладони, протянул Гуне. У простодушного Гломова от ответственности вспотели руки.

— *Законус подлостус!* — прошептал Прун, незаметно выпуская искру. Ему хотелось дать Гурию лишний шанс.